

Павел Евгеньевич Фокин*

*кандидат филологических наук,
Государственный литературный музей,
ведущий научный сотрудник
(Москва, Российская Федерация)
pfokin@mail.ru*

DOI: 10.15393/j10.art.2014.2

«БРАТА МОЕГО Я ЛЮБИЛ БЕСКОНЕЧНО»

**Выставка Государственного литературного музея
к 150-летию со дня смерти М. М. Достоевского
в «Музее-квартире Ф. М. Достоевского».
(Москва, ул. Достоевского, д. 2).
25 сентября — 25 декабря 2014 г.**

Аннотация: Литературное наследие Михаила Михайловича Достоевского (1820–1864) невелико и представляет интерес только для специалистов. Гораздо значимее для русской и мировой культуры его личность — он был братом (почти ровесником), другом и единомышленником гения. Отношения с ним были для Ф. М. Достоевского важным элементом его биографии и духовной личности. Михаил был первым и долгие годы единственным собеседником Ф. М. Достоевского. Не менее значима его роль как адресата писем Ф. М. Достоевского. В брате Михаиле Достоевский видел не только друга, но и делового партнёра. Наиболее успешным литературным предприятием братьев стало издание журнала «Время» (1861–1863), инициатором и владельцем которого стал М. М. Достоевский. После смерти М. М. Достоевского его семья стала предметом постоянной заботы Ф. М. Достоевского, что оказывало прямое и косвенное влияние на образ жизни писателя. В 2014 году исполнилось 150 лет со дня смерти М. М. Достоевского. В связи с этой датой Государственный литературный музей в «Музее-квартире Ф. М. Достоевского» подготовил выставку «Брата моего я любил бесконечно...». Это первая выставка, посвящённая личности и наследию М. М. Достоевского. Многие представленные экспонаты ранее никогда не демонстрировались.

Ключевые слова: М. М. Достоевский, брат, собеседник, адресат, деловой партнёр, Государственный литературный музей, выставка.

В сравнении с творческим наследием Ф. М. Достоевского вклад его старшего брата Михаила Михайловича Достоевского (1820–1864) в русскую (не говоря уж о мировой) литературу как писателя практически ничтожен.

Его беллетристика, поэзия, драматургия, критика целиком остались в своём времени и представляют интерес исключительно и только для узких специалистов по истории русской литературы 1840–1850-х годов да ещё биографов Ф. М. Достоевского.

Зато роль *личности* Михаила Достоевского, её значимость и важность для мировой культуры по-настоящему до сих пор не оценена и не осмыслена. Его деликатная натура даже для специалистов по-прежнему остаётся в тени его великого брата, столь им любимого и столь любившего его. Чуть больший след оставила его переводческая деятельность. Созданные им переводы произведений Гёте, Шиллера, Гюго неоднократно переиздавались и были востребованы читателями и театром.

«Ежели бы знал ты, как необходимо для нас быть вместе, милый друг! — писал Ф. М. Достоевский брату 19 июля 1840 г. — Целые годы протекли со времени нашей разлуки. Клочок бумаги, пересылаемый мною из месяца в месяц — вот была вся связь наша; между тем время текло, время наводило и тучи и вёдро на нас, и всё это протекло для нас в тяжком, грустном одиночестве; ах! ежели бы ты знал, как я одичал здесь, милый, добрый друг мой! любить тебя это для меня вполне потребность. Я совершенно свободен, не завишу ни от кого; но наша связь так крепка, мой милый, что я, кажется, сросся с кем-то жизнью» (28, 76)¹.

Судьбой определено было Михаилу Достоевскому быть *братом* гения. Но не просто братом — у Достоевского, как известно, были ещё братья и сёстры, — но единомышленником и другом. Редкостное сочетание. Достоевскому невероятно повезло. Братьев объединял не только возраст — они были почти ровесники, погодки, — но и сходные интересы. У них был общий строй души. Они были влюблены в литературу, страстно читали и страстно сами мечтали творить. Они жили в творческом союзе.

Михаил был первым и долгие годы единственным *собеседником* Достоевского. В их разговорах, совместных размышлениях, спорах формировалась личность писателя. Судя по запечатлённым в письмах раннего Достоевского фрагментам их полемики, у Михаила был свой ум и оригинальные представления о литературе, которые вызывали у его брата живую и эмоциональную реакцию (достаточно вспомнить «распеканцию», которую устроил он Михаилу по поводу Расина и Корнеля в письме от 1 января 1840 г.). Они не были во всём согласны друг с другом. Они были разные.

Но они слушали друг друга, старались слышать, убеждали и доказывали. Возможно, диалогический тип художественного высказывания в произведениях Достоевского, сам тип диалогического мышления выработался, *в том числе*, и в личном опыте его общения с братом, в многолетней практике интеллектуального спарринга.

Не менее значима, а для нас, возможно, ещё более ценна роль Михаила Достоевского как адресата *писем*. Только ему молодой Достоевский писал так откровенно, с таким душевным подъёмом и таким сосредоточением. Из них мы узнаём не только биографические подробности и жизненные обстоятельства Достоевского тех лет, не только круг его интересов и общения, не только творческие планы и замыслы (что само по себе бесценно!) — нам открывается личность Достоевского, её духовная и эмоциональная стороны. Достоевский не вёл дневника, и если бы не эти письма, мы бы навсегда были лишены возможности узнать душу юного гения.

Именно в письмах к Михаилу Достоевский *формулирует* важнейшие для него идейные и эстетические принципы, своё жизненное кредо.

Ему пишет Достоевский: «Познать природу, душу, бога, любовь... Это познается сердцем, а не умом. <...> Проводник мысли сквозь брэнную оболочку в состав души есть ум. Ум — способность материальная... душа же, или дух, живёт мыслию, которую нашептывает ей сердце... Мысль зарождается в душе. Ум — орудие, машина, движимая огнем душевным... <...> Философию не надо полагать простой математической задачей, где неизвестное — природа... Заметь, что поэт в порыве вдохновенья разгадывает Бога, след<овательно>, исполняет назначение философии. След<овательно>, поэтический восторг есть восторг философии... След<овательно>, философия есть та же поэзия, только высший градус ее!..» (31 октября 1838 г.; 28, 53, 54).

Михаилу адресовано письмо со ставшими хрестоматийными словами: «Человек есть тайна. Её надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» (16 августа 1839 г.; 28, 63).

Брату поведаёт Достоевский о тех великих минутах своей жизни, когда он стоял на Семёновском плацу в ожидании скорого расстрела 22 декабря 1849 г. Это письмо бесценно тем, что написано спустя буквально час-другой после событий, это почти репортаж о «воскресении Лазаря» в режиме он-лайн: «Брат! я не уныл и не упал духом. Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле меня будут люди, и быть *человеком* между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях, не уныть и не пасть — вот в чем жизнь, в чем задача ее. Я сознал это. Эта идея вошла в плоть и кровь мою. Да правда! та голова, которая создавала, жила высшею жизнью искусства, которая сознала и свыклась с возвышенными потребностями духа, та голова уже срезана с плеч моих. Осталась память и образы, созданные и еще не воплощенные мной. Они изъязвляют меня,

правда! Но во мне осталось сердце и та же плоть и кровь, которая также может и любить, и страдать, и желать, и помнить, а это все-таки жизнь! *On voit le soleil!* (Видишь солнце! (фр.). – *Ред.*)» (28₁, 162).

С братом будет делиться Достоевский тем экзистенциальным опытом, который получит в Омском остроге: «Если я узнал не Россию, так народ русский хорошо, и так хорошо, как, может быть, не многие знают его» (28₁, 173).

В брате Михаиле Достоевский видел не только друга, но и *делового партнёра*. Кооперация творческих усилий в целях достижения материальной обеспеченности привлекала Достоевского уже в 1840-е годы, когда он планировал совместные с братом переводы романа Э. Сю «Матильда» или издание сочинений Шиллера в переводе брата. «Судьба благословила меня идеєю, предприятием, назови, как хочешь. Так как оно выгодно донельзя, то спешу тебе сделать предложение участвовать в трудах, риске и выгодах» (31 декабря 1843 г.; 28₁, 83).

Наиболее успешным литературным предприятием братьев стало издание журнала «Время» (1861–1863), инициатором и владельцем которого стал Михаил Михайлович, и если бы не его преждевременная смерть, то и возобновлённый в 1864 г. под названием «Эпоха» журнал уверенно продолжил бы своё существование. Во «Времени» Достоевский опубликовал окончание «Записок из Мёртвого дома» и роман «Униженные и оскорблённые», которые вернули его в ряды современной литературы и составили успех у нового поколения читателей. Задуманный Михаилом Михайловичем журнал стал своеобразной *купелью* зрелого Достоевского.

На страницах «Эпохи» были опубликованы «Записки из подполья», идейно-эстетическое новаторство которых стало возможным не в последнюю очередь благодаря и тому обстоятельству, что создавались они для *своего* журнала. И, конечно, читатели имели бы сегодня другой текст романа «Преступление и наказание», если бы он печатался под эгидой Михаила Михайловича. А навыки профессионального журналиста, полученные в работе над изданием журналов, пригодились Достоевскому спустя годы, когда он принялся за издание «Дневника писателя».

Не стоит забывать, что на страницах журнала Михаила Михайловича была оформлена концепция *почвенничества*, предложившего третий путь в обострившемся в те годы споре славянофилов и западников, концепция, которая и сегодня сохраняет свой идеологический потенциал. «Мысль его состояла в том, — писал Достоевский в некрологе, — что нужен свежий литературный орган, независимый от обязательных журнальных преданий, вполне самостоятельный, чуждый партий, чуждый застарелых, преемственных и почти бессознательных антипатий, не поклоняющийся авторитетам и совершенно беспристрастный. С другой стороны, необходимо обращение к народности, к началам народным и возбуждение оторвавшегося от почвы общества к изучению народа нашего и к уверованию в прав-

ду основных начал его жизни. Михаил Михайлович был убежден, что все неудачи русского общества, вся бесхарактерность некоторых слоев русской народности происходит именно от разлагающего, ленивого и апатичного нашего космополитизма, доведшего нашу разобщенность с почвой до равнодушия к ней, до смешного непонимания ее и даже — в иных индивидуумах — до какого-то как бы обязательного, почти хвастливого принципа не понимать и не признавать ее вовсе» (20, 121).

Смерть брата, пришедшаяся на один год со смертью первой жены, стала для Достоевского тяжёлым ударом: «И вот я остался вдруг один, и стало мне просто страшно, — признавался он в письме Е. А. Врангелю 31 марта 1865 г. — Вся жизнь переломилась разом надвое. В одной половине, которую я перешел, было все, для чего я жил, а в другой, неизвестной еще половине, все чуждое, все новое и ни одного сердца, которое бы могло мне заменить тех обоих. Буквально — мне не для чего оставалось жить. Новые связи делать, новую жизнь выдумывать! Мне противна была даже и мысль об этом. Я тут *в первый раз* почувствовал, что *их* нечем заменить, что я *их* только и любил на свете и что новой любви не только не наживёшь, да и не надо наживать. Стало все вокруг меня холодно и пустынно» (28₂, 116–117).

Семья брата, его вдова, Эмилия Фёдоровна, и дети — Фёдор (1842), Мария (1844), Михаил (1846), Екатерина (1853), Варвара (1855), стали для Достоевского предметом первостепенной заботы: «Я у них остался единой надеждой, и они все — и вдова, и дети сбились в кучу около меня, ожидая от меня спасения. Брата моего я любил бесконечно; мог ли я их оставить?» (28₂, 117).

Когда-то, в 1841 г., посылая брату, оказавшемуся накануне свадьбы без средств, 150 рублей, Достоевский писал: «Милый, милый мой! Если бы ты знал, как я счастлив, что могу хоть чем-нибудь помочь тебе! <...> Но боже мой. Как же несправедлив ты, мой милый бесценный друг, когда пишешь подобные слова – *взаимы* – *заплачу*. Не совестно ли, не грешно ли, и между братьями! Друг мой, друг мой, неужели ты не знаешь меня. Не этим могу я для тебя пожертвовать!!» (28₁, 78–79). Долги, оставшиеся по журналу, Достоевский добровольно принял на себя, принеся в жертву собственное благополучие, здоровье, нервы: «...я охотно бы пошёл опять в каторгу на столько же лет, чтоб только уплатить долги и почувствовать себя опять свободным» (28₂, 119). И не была ли рулетка следствием финансового кризиса, вызванного прекращением «Эпохи» ввиду смерти Михаила Михайловича?

В 2014 году исполнилось 150 лет со дня смерти Михаила Михайловича Достоевского. В связи с этой датой Государственный литературный музей подготовил выставку «Брата моего я любил бесконечно...», открывшуюся 29 сентября в «Музее-квартире Ф. М. Достоевского», в доме, под крышей которого братья провели почти пятнадцать лет.

Это первая выставка, посвящённая личности и наследию М. М. Достоевского. Несмотря на небольшой объём (три витрины и развеска на двух стенах), она представляет интерес своим составом. Многие представленные на ней экспонаты ранее никогда не демонстрировались.

Настенной развеской экспозиционно акцентированы две темы: «М. М. Достоевский — адресат писем Ф. М. Достоевского» и «М. М. Достоевский — издатель журналов “Время” и “Эпоха”».

Первая тема представлена триптихом, центральная часть которого — муляж (с оригинала РГБ) письма Ф. М. Достоевского брату от 22 декабря 1849 г. из Петропавловской крепости (три листа).

Как известно, Достоевский после возвращения из каторги и ссылки снял копию с этого письма, которую хранил, вместе с несколькими другими реликвиями, в том самом Евангелии, которое подарили ему в 1850 г. в Тобольске жёны декабристов и с которым он никогда не расставался. Это письмо — своеобразная «дополнительная глава» Евангелия, написанная Жизнью и рабом Божиим Феодором.

Помимо всего привлекает в этом письме особая сердечная привязанность Достоевского к брату: «Я стоял шестым, вызывали по трое, след<овательно>, я был во второй очереди и жить мне оставалось не более минуты.

Я вспомнил тебя, брат, всех твоих; <...> я тут только узнал, как люблю тебя, брат мой милый!» (28₁, 161). Трогательна его забота: «Я боюсь, что тебе как-нибудь был известен наш приговор (к смерти). Из окон кареты, когда везли на Семён<овский> плац, я видел бездну народа; может быть, весть уже прошла и до тебя, и ты страдал за меня. Теперь тебе будет легче за меня». (28₁, 162). Знаменательно восклицание «On voit le soleil!» (28₁, 162) — усечённая цитата из повести В. Гюго «Последний день приговорённого к смертной казни». Несомненно, её вспомнит Михаил Михайлович, когда десять лет спустя будет переводить повесть на русский язык (опубликовано в журнале «Светоч» (1860) — представлена на выставке).

Левая и правая части «триптиха» — оригиналы известных карандашных портретов М. М. Достоевского (1848–1849) и Ф. М. Достоевского (1847), выполненные художником К. А. Трутовским.

Тема «М. М. Достоевский — издатель журналов “Время” и “Эпоха”» также представлена настенным «триптихом» и дополнена витриной. В центре триптиха — фотокопии обложек журналов «Время» и «Эпоха» (в одной окантовке), слева — портрет Ф. М. Достоевского (Литография П. Ф. Бореля. 1862. По фотографии 1861 г.), справа — портрет М. М. Достоевского (с гравюры П. Ф. Бореля. По фотографии А. О. Баумана. 1862–1863. Выставлена впервые). В витрине — журналы «Время» (1862, Январь и 1863, Апрель)

и «Эпоха» (1864, июнь, со статьёй-некрологом Ф. М. Достоевского «Несколько слов о Михаиле Михайловиче Достоевском»). Апрельский выпуск журнала «Время» за 1863 г. раскрыт на статье Н. Н. Страхова «Роковой вопрос», послужившей причиной закрытия журнала. Рядом — карикатура Н. А. Степанова «Мелкоплавающие и близорукие. М. М. Достоевский и Н. Н. Страхов» (1863). В центре витрины — портреты М. М. Достоевского (фотографии А. О. Баумана. 1862–1863). В витрине также представлены книги В. С. Нечаевой, организатора и создателя «Музея Ф. М. Достоевского» в Москве, «Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских “Время”. 1861–1863. (М.: Наука, 1972) и «Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских “Эпоха”. 1864–1865» (М.: Наука, 1975).

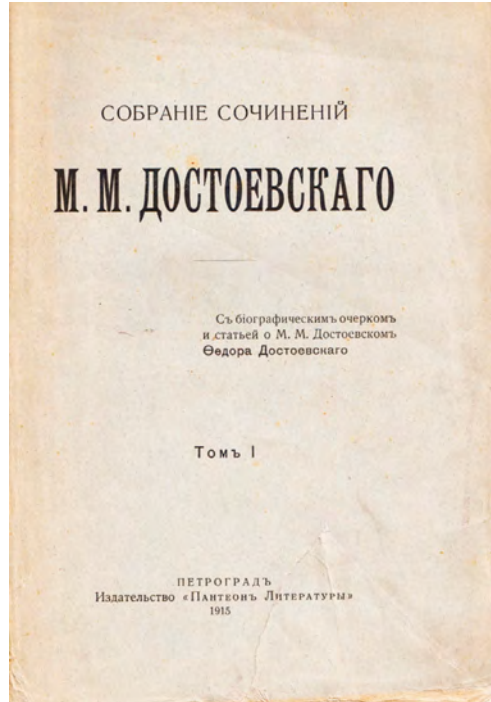
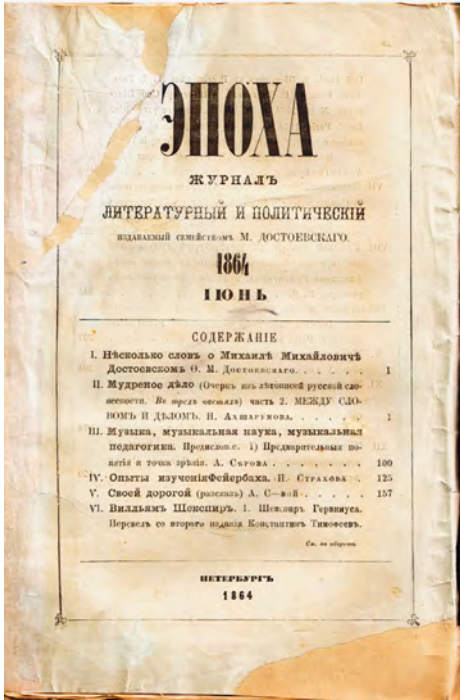

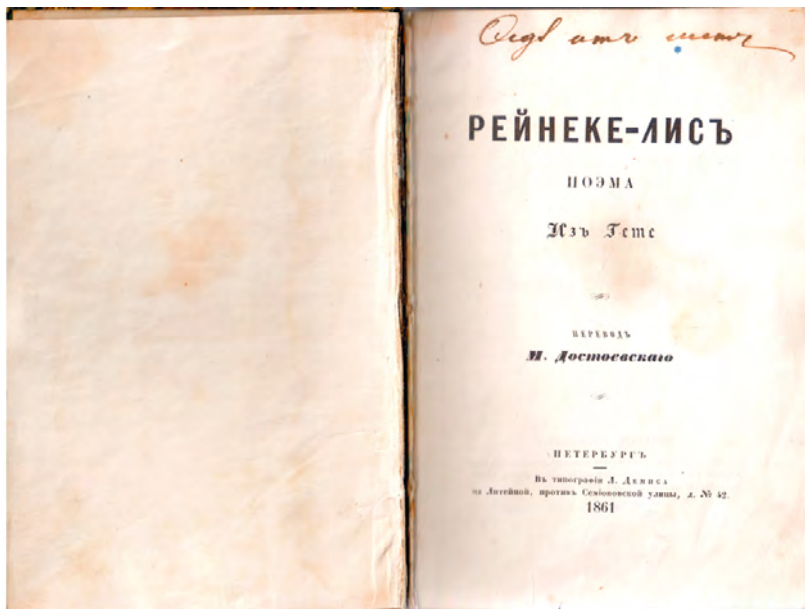
М. М. Достоевский

Карикатура Н. А. Степанова
«Мелкоплавающие и близорукие»

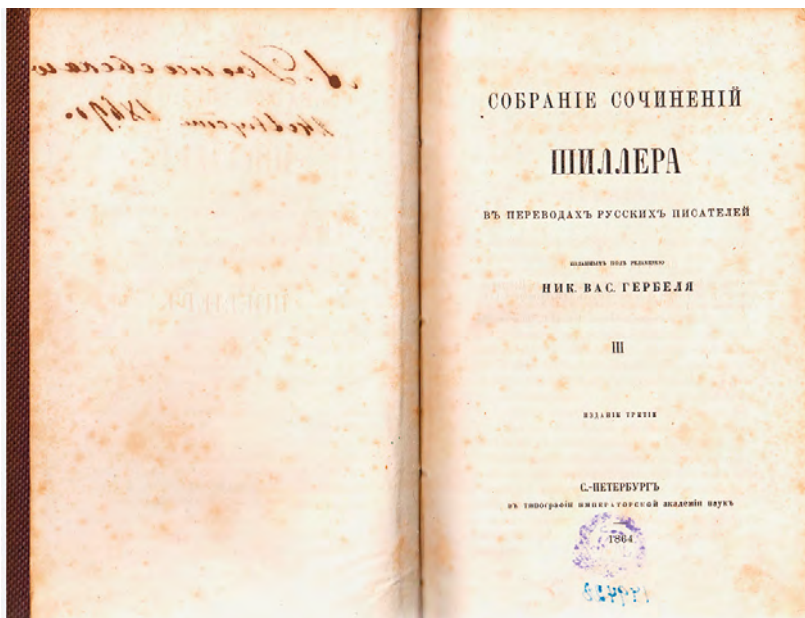
Ещё одна витрина представляет литературное наследие М. М. Достоевского. В ней представлены издания: «Отечественные записки» (СПб., 1848. Т. 50 — с переводом поэмы И. В. Гёте «Рейнеке-Лис»; в этом же номере опубликована повесть Ф. М. Достоевского «Слабое сердце»; СПб. 1848. Т. 56 — с повестью «Господин Светёлкин» (СПб., 1851. Т. 76. — с комедией «Старшая и меньшая»), «Светоч. Учено-литературный журнал, издаваемый Д. И. Калиновским» (СПб., 1860. Кн. 3 — с переводом повести В. Гюго «Последний день приговорённого к смерти»), Гёте И. В. «Рейнеке-Лис. Поэма из Гёте.

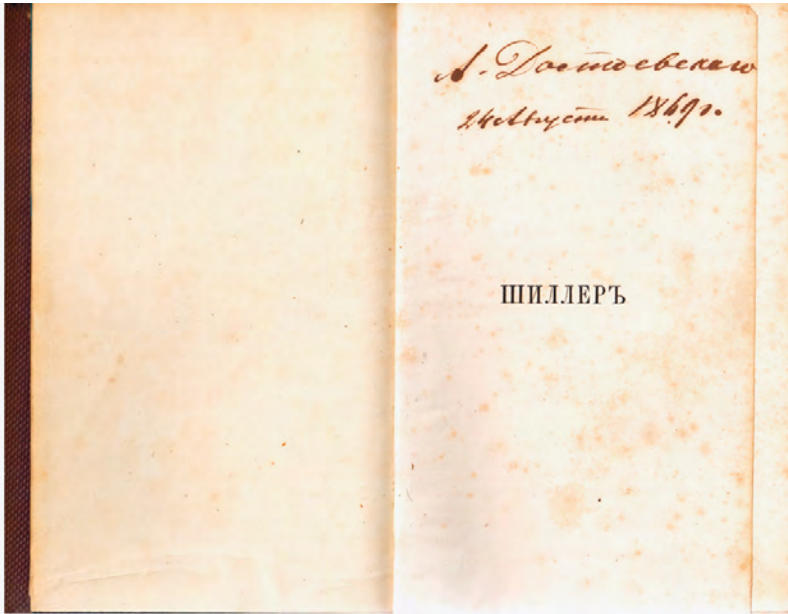

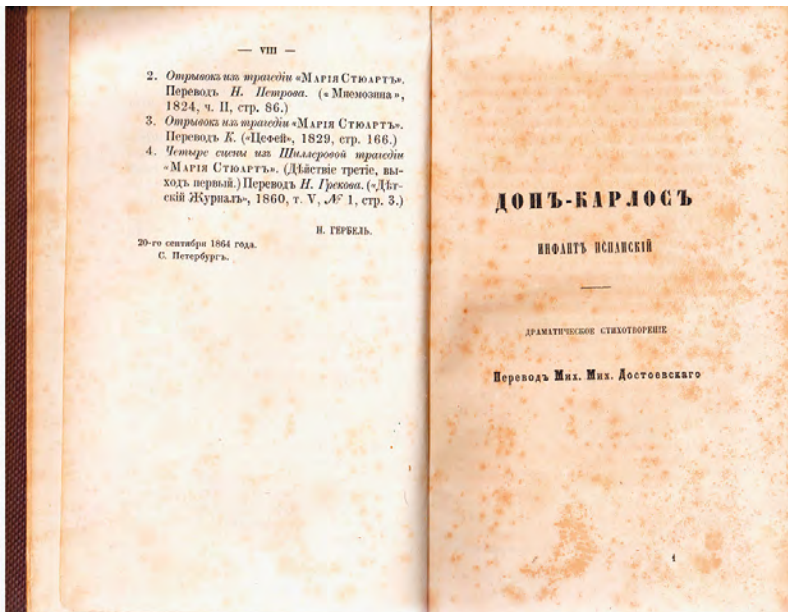
И. В. Гёте «Рейнеке-Лис. Поэма из Гёте. Перевод М. Достоевского»

Ф. Шиллер «Собрание сочинений в переводах русских писателей» 1864 г.
Авантитул

Ф. Шиллер «Собрание сочинений в переводах русских писателей» 1864 г.
Титул

Ф. Шиллер «Собрание сочинений в переводах русских писателей» 1864 г.
Шмуцтитул

Перевод М. Достоевского» (СПб.: в тип. Л. Демиса, 1861. Из собрания «Музея Ф. М. Достоевского». На титульном листе дарственная надпись М. М. Достоевского сыну Федору: «Өедъ отъ меня»), Ф. Шиллер «Собрание сочинений в переводах русских писателей» (под ред. Н. В. Гербеля. Изд. 3. Т. 3. СПб.: в тип. Император. Академии Наук, 1864. На авантитуле владельческая надпись А. М. Достоевского), Достоевский М. М. Собрание сочинений» (в 2 т. Пг.: Пантеон литературы, 1915. Т. 12. Из собрания «Музея Ф. М. Достоевского»).

Книжные издания сопровождается иллюстративный материал того времени: Кракер «Портрет Фридриха Шиллера» (середина XIX в. Гравюра), К. Мейер «Иллюстрация к драме Ф. Шиллера “Дон Карлос”» (около 1855. Гравюра), Кракер «Портрет Иоганна Вольфганга фон Гёте» (середина XIX в. Гравюра), А. Шлейх по рисунку В. Каульбаха «Иллюстрация к поэме И. В. Гёте “Рейнеке-Лис”» (1846 (?) Гравюра).

В центре витрины — прежде не выставлявшийся портрет М. М. Достоевского конца 1850-х гг., фотография, пройденная акварелью:

М. М. Достоевский. Портрет конца 1850-х гг.

Третья витрина — своеобразный «семейный альбом» М. М. Достоевского. Прежде всего привлекает внимание цветная миниатюра на кости 1855 г., на которой Эмилия Фёдоровна Достоевская изображена в окружении всех своих детей, которых на тот момент в живых было шестеро.

М. М. Достоевский.
(Начало 1860-х гг.)

М. М. Достоевский-младший

Варвара и Екатерина Достоевские
с гувернанткой

Екатерина Михайловна
Достоевская

Варвара (Лелюша) Достоевская

Мария Михайловна Достоевская

Ф. М. Достоевский-младший и его жена Валентина

В центре витрины — фотографии М. М. Достоевского (фотография. Начало 1860-х гг. СПб. Из собрания А. Г. Достоевской, № 3301а. Внизу на паспарту чернилами надпись А. Г. Достоевской: «М. М. Достоевскій») и Э. Ф. Достоевской (фотография Л. Клувера. 1879–1880. СПб. Из альбома А. Г. Достоевской). Персональными портретами представлены дети М. М. Достоевского: Михаил Михайлович-младший (фотография Грибоедова. II пол. 1870-х гг. СПб. Из альбома А. Г. Достоевской), Мария Михайловна (фотография ок. 1860 г. СПб.), Екатерина Михайловна (фотография Н. Абрагамсона. Конец 1860-х — начало 1870-х гг. СПб. Из альбома А. Г. Достоевской), Варвара (Лелюша) (фотография, пройдена акварелью и лаком. Ок. 1860 г. СПб.), Варвара и Екатерина с гувернанткой Маргаритой (фотография начала 1860-х гг. СПб.), Фёдор Михайлович-младший с женой (из собрания А. Г. Достоевской, № 3312. На паспарту внизу чернилами надпись А. Г. Достоевской:

«Феодоръ Михайловичъ Достоевскій, племянникъ Ф. М. Достоевскаго»). Здесь же портрет многолетнего друга братьев Достоевских с 1840-х гг., врача, мемуариста Степана Дмитриевича Яновского (1815–1897) с дарственной надписью на бланке внизу под изображением: «Емилиі Феодоровнѣ и Михаилу Михайловичу на память дружбы. 1861 годъ» (фотография С. Л. Левицкого. 1861 г. СПб.).

В этой же витрине представлен единственный, состоящий в фондах Государственного литературного музея, архивный документ, касающийся биографии М. М. Достоевского — «Патент на чин прапорщика...», выданный ему 26 ноября 1842 г.:

Таким образом, благодаря выставке Государственного литературного музея «Брата моего я любил бесконечно» Михаил Михайлович Достоевский на несколько месяцев вернулся в родной дом, а мемориальная экспозиция «Музея-квартиры Ф. М. Достоевского» дополнилась новыми темами и образами.

ПРИМЕЧАНИЯ

* © П. Е. Фокин, 2014

¹ Цитаты из произведений Ф. М. Достоевского даются по изданию: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Л.: Наука, 1972–1991. В тексте после цитаты в скобках указаны номера тома и страниц.